

частной жизни, постоянно убеждаясь в невозможности реального взаимопонимания и диалога с другими, порождает комплекс "несчастливого сознания", воссозданный во многих наиболее значительных произведениях модернизма, начиная с творчества Ф. Кафки» [13, стб. 568].

Современное отечественное литературоведение, обходясь, большей частью, без термина модерн, предполагает наличие подготовительной эпохи модернизма, а именно романтизма, в котором обнаруживаются многие сходные идеи, мотивы и жанры. Поиски отечественными литературоведами новых подходов в изучении романтизма привели к концепции, в которой художественные явления XIX века рассматриваются как явления «романтической эпохи» в широком смысле (М.В. Толмачёв, М.И. Бент, И.В. Карташова, Д.Л. Чавчанидзе, С.Н. Зенкин). Такое понимание романтической эпохи, в которой начинают складываться предмодернистские тенденции, можно с полным правом назвать «модерным».

Модерн не отрицает сложившиеся исторические литературные и художественные направления и школы, так называемые «измы». Многие из них обнаруживают современные или даже постмодернистские черты, которые могут вскрываться сразу и скандально или спустя много лет. Исследовательская парадигма макроэпохи модерна в немецкоязычных странах предполагает изучение качественно различных исторических микроэпох, развивающихся во всей диахронно-синхронной сложности, дискурсивной динамике, начиная с раннего модерна: романтическая эпоха XIX века, зрелого (или исторического) модерна: рубеж XIX–XX веков, модернизма (или классического модерна) в общепринятом в нашей культурологии понимании и постмодернизма: последняя треть XX века. Таким образом, отвечая на вопрос: «Романтизм или ранний модерн?», выстраивается новая литературоведческая стратегия, эксплицитно проявившаяся под конец прошлого века с целью саморефлексивной организации литературно-эстетических феноменов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Луков, В.А. Теоретические основы истории литературы / В.А. Луков // История литературы: Зарубежная литература от истоков до наших дней. – М., 2003.
2. Сарабьянов, Д.В. Модерн. История стиля / Д.В. Сарабьянов. – М., 2001.
3. Власов, В.Г. Стили в искусстве / В.Г. Власов. – СПб., 1995. Т.1.
4. Ковалева, О.В. О. Уайльд и стиль модерн / О.В. Ковалева. – М., 2002.
5. Bürger, P. Moderne / P. Bürger // Fischer Lexikon Literatur. – Frankfurt a. Main, 1997.
6. Freund, W. Modernus und andere Zeitbegriffe des Mittelalters / W. Freund. – Köln; Graz, 1957.
7. Jauss, H.R. Studien zum Epochenwandel der ästhetischen Moderne / H.R. Jauss. – Frankfurt a. Main, 1989.
8. Schiller, F. Über naive und sentimentalische Dichtung / F. Schiller // Philosophische Schriften. Erster Teil. Bd. 20. – Weimar, 1962.
9. Schlegel, F. Über das Studium der griechischen Poesie / F. Schlegel. – Godesberg, 1947.
10. Behler, E. Friedrich Schlegels Theorie des Verstehens: Hermeneutik oder Dekonstruktion? / E. Behler // Die Aktualität der Frühromantik. Paderborn, 1987.
11. Vietta, S. Die literarische Moderne: Eine problemgeschichtliche Darstellung der deutschsprachigen Literatur von Hölderlin bis Thomas Bernhard / S. Vietta. – Stuttgart, 1992.
12. Адорно, Т.-В. Эстетическая теория / Т.-В. Адорно. – М., 2001.
13. Зверев, А.М. Модернизм / А.М. Зверев // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001. – Стб. 566– 571.

Т.В. Кудрявцева (Москва, ИМЛИ РАН)

О КОНЦЕПЦИИ КОЛЛЕКТИВНОГО ТРУДА «ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ ГЕРМАНИИ: XX ВЕК» (В ДВУХ ТОМАХ): МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

Цель настоящего труда – создание в рамках жанра академической истории литературы целостной и объективной картины литературного процесса в Германии XX века. Авторский коллектив, который помимо специалистов ИМЛИ РАН представлен ведущими германистами России, работающими в различных научно-образовательных учреждениях страны (Н.С. Павлова, Е.А. Зачевский, А.А. Гугнин, Г.В. Якушева, А.И. Жеребин, В.Г. Зусман, Н.Т. Рымарь, В.А. Пронин и другие), рассматривает изучение основных периодов и направлений литературного процесса в Германии XX веке как органическое продолжение и переосмысление той гигантской работы, которая была проделана учеными ИМЛИ АН СССР, и увенчалась выходом в свет коллективных трудов «История немецкой литературы»: в 5 томах под общей редакцией Н.И. Балашова, 1962–1976; «История литературы ФРГ» под редакцией И.М. Фрадкина,

1980; «История литературы ГДР» под редакцией А.Л. Дымшица, 1982. Их достоинством было рассмотрение литературного процесса в широком историко-культурном контексте, включающем философию, идеологию, политику, а также в тесной связи с важнейшими событиями общественной жизни. При этом главное значение придавалось исследованию проблематики и поэтики конкретных художественных явлений и анализу творчества отдельных писателей.

Актуальность труда определяется тем, что рассмотрение литературного процесса в выше-названных академических трудах было доведено до середины 1970-х годов. В связи с этим перед отечественной германистикой встала задача осмыслить особенности литературного развития в конце XX века. В рамках данного труда также предпринята попытка наметить контуры вхождения немецкой литературы в новую фазу на рубеже XX–XXI веков. Ее полное осмысление – задача будущих поколений исследователей.

В целом труд представляет собой обобщающее исследование, в котором в полном объеме представлены итоги развития отечественной германистики последней трети XX века, что позволяет, учитывая предшествующий опыт отечественной и зарубежной германистики, дополнить картину литературного развития и переосмыслить многие явления литературы Германии всего XX века. Прежде всего, речь идет об авторских историях немецкой и немецкоязычной литератур (Е.А. Зачевский: «Зеркала времени: Очерки немецкоязычной литературы второй половины XX века», 2005; В.А. Пронин «История немецкой литературы», 2007; Е.А. Леонова. Немецкая литература XX века. Германия. Австрия: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2010) и коллективных историях западно-европейских литератур, предусматривающих рассмотрение литературного процесса и в немецкоязычных странах («Зарубежная литература XX века» под редакцией Л.Г. Андреева, 1996, 1999; «История литератур Восточной Европы после второй мировой войны» в 2-х томах под редакцией В.А. Хорева, 1995–2001; «История западноевропейской литературы: Германия. Австрия. Швейцария» под редакцией А.Г. Березиной, А.В. Белобратова, Л.Н. Полубояриновой, 2005; «Очерки по истории зарубежной литературы XX века» в 2 частях под редакцией Т.А. Шарыпиной, В.Г. Новиковой, Д.В. Кобленковой, 2005, 2008). Их цель – восполнить пробел, образовавшийся в академической науке, главным образом, исходя из запросов высшей школы.

В 2000-е годы появились коллективные труды, монографии и авторские истории литературы, в которых предпринята попытка по-новому осветить творчество отдельных авторов, особенности тех или иных художественных явлений и целых направлений, а также периодов в истории немецкоязычной литературы. Это – «Энциклопедический словарь экспрессионизма» под редакцией П.М. Топера (2008), «Studia Germanica: Немецкоязычная литература XIX–XX веков в современных исследованиях: Неконфронтационный диалог. Памяти профессора, доктора филологических наук Антонины Васильевны Русаковой» (ответственный редактор А.Г. Березина, 2004), «Модерн. Модернизм. Модернизация: Нормы и казусы в европейской культуре на рубеже XIX–XX веков. Россия, Австрия, Германия, Швейцария» (ответственные редакторы Н.С. Павлова, О.В. Павленко, 2004), «Поэтика и история: литература Австрии и Германии XIX–XX веков. Сборник к юбилею профессора Ады Геннадьевны Березиной» под редакцией А.В. Белобратова, Л.Н. Полубояриновой, Т.А. Федяевой (2007); монографии Т.А. Шарыпиной «Античность в литературной и философской мысли Германии первой половины XX века» (1998), Г.И. Родиной «Зудерман и Россия: рецепция творчества в культурном пространстве рубежа XIX–XX веков» (2004), Е.М. Лукиной «Концепция человека в малой прозе Э. Вихерта» (2008), Н.Я. Надеждина «Эрих Мария Ремарк: "Время любить"» (2008), В.В. Старикова «Спротивление как художественно-философская категория прозы Петера Вайса» (2008), Н.В. Пестовой «Случайный гость из готики: русский, австрийский и немецкий экспрессионизм» (2009), В.Д. Седельника «Дадаизм и дадаисты» (2010), Т.В. Кудрявцевой «Арно Хольц: революция в лирике» (2006), Н.В. Пестовой «Немецкий литературный экспрессионизм (Екатеринбург, 2004), Е.А. Зачевского «"Группа 47": Страницы истории литературы ФРГ 1947–1949 годов» (2001), «"Группа 47": Страницы истории литературы ФРГ 1950–1953 годов» (2004), «"Группа 47". Страницы истории литературы ФРГ. 1954–1957 годов» (2007), Т.Н. Андреюшкиной «Этапы развития немецкого сонета» (2006), Т.Н. Васильчиковой «Драматургия Ханса Хенни Янна» (2005), И.В. Третьяковой «Современная литература Германии» (2006), «Германия. XX век. Модернизм, авангард, постмодернизм» под редакцией В.Ф. Колязина (2008) и другие.

Немецкая литература XX века всеобъемлюще (за исключением последнего периода после воссоединения Германии) исследована немецкими учеными. В числе наиболее известных трудов по истории немецкой литературы – «Geschichte der deutschen Literatur von den Anfängen bis zur Gegenwart» (In 9 Bdn., hrsg. von Helmut de Boor, Richard Newald, Beck Verlag: München, 1949–2004); «Deutsche Literaturgeschichte vom Mittelalter bis zur Gegenwart» (In 12 Bdn., hrsg. von Erika von Borries und Ernst von Borries, Deutscher Taschenbuch Verlag: München, 1991–1998); «Hansers Sozialgeschichte der deutschen Literatur. (In 12 Bdn. hrsg. von Rolf Grimminger, Hanser; Deutscher Taschenbuch Verlag: München, 1980–1999); «Geschichte der deutschen Literatur von den Anfängen bis zur Gegenwart (begründet von Helmut de Boor und Richard Newald: C.H. Beck, München, 1971–1994); «Kleine Literaturgeschichte der DDR. Erweiterte Neuausgabe»

(von Wolfgang Emmerich, Aufbauverlag: Berlin, 2007), «Deutsche Literatur. Eine Sozialgeschichte» (In 10 Bdn., hrsg. von Horst Albert Glaser, Rowohlt: Reinbek, 1980–1991), «Deutsche Literaturgeschichte von den Anfängen bis zur Gegenwart» (von Fritz Martini, Komet: Köln, 2003) и другие. Период после воссоединения подвергнут наиболее детальному рассмотрению в седьмом издании «Истории немецкой литературы: от истоков до наших дней» под редакцией В. Бойтина («Deutsche Literaturgeschichte: von den Anfängen bis zur Gegenwart» von Wolfgang Beutin, Metzler: Stuttgart; Weimar, 2008) и в «Истории немецкой литературы» в четырех томах В. Бортеншлагера и Э. Бреннера (Deutsche Literaturgeschichte von Wilhelm Bortenschlager und Emil Brenner. In 4 Bdn. Leitner: Wien, 2007) а также во 2 томе «Истории немецкой литературы под редакцией Б.А. Съеренсена («Geschichte der deutschen Literatur», in 2 Bdn., hrsg. von Bengt Algot Sørensen, C.H. Beck: München, 1995–2009). Тем не менее, в немецкой германистике до сих пор не создано фундаментального труда, целенаправленно освещающего историю литературы Германии XX века.

Нельзя не отметить, что в Германии отсутствует методология и практика создания фундаментальных историко-литературных трудов, аналогичных отечественным академическим изданиям. В немецком литературоведении, как правило, сложилась практика исследований, посвященных либо отдельным эпохам, литературным направлениям и писателям, либо, трудов, отражающих сугубо субъективный взгляд авторов на литературный процесс и создающих собственные версии истории немецкой литературы, либо рассматривающих эту историю под тем или иным углом зрения.

В настоящем труде в полной мере учитываются достижения немецких исследователей, проделавших огромную работу по анализу конкретных литературных явлений и по осмыслению литературного процесса в целом. Тем не менее, принципиальное отличие данного труда от историко-литературных исследований немецких ученых состоит, во-первых, в системно-комплексном подходе к изучению материала, во-вторых, в силу естественного взгляда «извне» – в большей степени отстраненности от объекта исследования и в максимально возможной объективности анализа. Это предполагает включение в методологию исследования компаративистского инструментария, который позволяет учитывать достижения отечественной литературоведческой школы. Авторы труда исходят из того, что в России сложился иной канон немецкой литературы, чем в немецкоязычных странах. Речь идет как о корпусе произведений, предлагаемых для изучения в ВУЗах и для исследования в академической среде, так и об ассортименте книг немецких авторов, предлагаемом российскими издательствами широкой читающей публике. Классический пример специфичности российского канона немецкой литературы – непреходящая популярность творчества Э.М. Ремарка или особая роль Г. Гессе и Т. Манна в сознании многих российских читателей и литературоведов. Нельзя не отметить и факт приобщения отечественных германистов старшего и среднего поколения к немецкой литературе через произведения Г. Фаллады, Л. Франка, Л. Фейхтвангера и других. В своё время выбор произведений для чтения и исследования во многом определяли идеологические факторы – этим объяснялась особая роль литературы ГДР в учебных программах по германистике. Этим обусловлен, например, повышенный интерес к творчеству К. Вольф, который до сих пор присутствует в отечественной германистике. Лишь в 1980–90-е годы наметился поворот в сторону изучения модернизма (Г. Бенн, А. Дёблин, Х.Х. Янн, Г. Грасс) и постмодернизма (Х. Мюллер, П. Зюскинд, Б. Штраус).

Своей спецификой обладает и методология литературоведческих исследований в России. Традиционно в российской германистике большую роль играет биографический, культурно-исторический и феноменологический метод. Нельзя не отметить особую роль таких отечественных теоретиков как А.Н. Веселовский, М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман и других. Многие германисты испытали на себе также большое влияние социологического метода. С другой стороны, ряд литературоведческих методов в изучении немецкоязычной литературы мало востребован. Это относится к психоаналитическому методу, постструктуралистским подходам, квир-исследованиям и так далее.

Новые подходы к истории немецкой литературы XX века были довольно основательно подготовлены и проработаны в исследованиях таких германистов старшего поколения как А.В. Михайлов, А.В. Карельский, С.С. Аверинцев, Д.В. Затонский и других. В последние годы в отечественном литературоведении возрастает интерес к синергетической парадигме, позволяющей рассматривать сложные литературные явления XX века исходя из закономерностей функционирования открытых систем. Подобный подход наметился в частности, в исследованиях нижегородской филологической школы (В.Г. Зусман, З.И. Кирнозе и другие). Важной представляется попытка включить в методологическую базу исследования и наработки до сих пор мало известной в мире ноосферической модели изучения гуманитарных наук (йенские романтики, Гёте, Вернадский, Вяч.Вс. Иванов, В.Н. Топоров, Т.Н. Цивьян, А.В. Михайлов, А.А. Гугнин и другие). Для российского германиста особую важность имеют явления культурного трансфера, прежде всего интерес немецких писателей к русской литературе. В связи с этим особое значение авторы труда придают вопросам воздействия русской литературы как на творчество отдельных писателей, так и на литературный процесс в Германии в целом.

Осознание в процессе создания труда некоего зазора в читательских и научных интересах в России и Германии, различий в методологическом подходе отечественных и немецких германистов, а также обнаружение типологических параллелей и взаимодействия немецкой и русской литератур способствуют созданию более полновесной картины литературного процесса в Германии, а сам труд будет интересен не только для российского, но и для зарубежного (прежде всего немецкого) читателя.

Существенным отличием как от предыдущих отечественных, так и от зарубежных историй немецкой литературы, представляется разграничение литератур Германии, Австрии и Швейцарии. Тем самым продолжается традиция, сложившаяся в отечественной германистике в последние десятилетия. Речь идет об «Истории швейцарской литературы» в трех томах под редакцией Н.С. Павловой и В.Д. Седелника (2002–2005) и «Истории австрийской литературы XX века» в двух томах под редакцией В.Д. Седелника (2009–2010). Вычленение из совокупности немецкоязычного историко-литературного контекста сугубо германского общественно-культурного и художественно-эстетического ареалов позволит создать более четкое представление об особенностях отдельно взятой национальной литературы, осознать специфику формирования германской ментальности и национальной культурной идентичности. В то же время, несмотря на отход от лингвоцентрического принципа освещения материала, в труде в полной мере найдет отражение неразрывная генетическая связь трех немецкоязычных литератур. В этой связи существенное значение приобретает вопрос о принадлежности писателя к той или иной литературе. Учитывая традиционную размытость трех национальных немецкоязычных литератур, которая проявляется в большой мобильности писателей (частая смена места жительства и гражданства, вынужденная либо добровольная миграция), к литературе Германии целесообразно относить тех писателей этой группы, которые в своих произведениях прежде всего касаются проблем страны и создают ее совокупный художественный образ, представляя в общественном сознании граждан Германии не только как неотъемлемая часть ее национальной культуры¹, но и ее духовно-нравственного и этнокультурного облика. Исходя из этого, авторы труда сочли, в частности, правомерным включить в корпус авторов немецко-швейцарского писателя Г. Гессе, творчество которого во многом связано с малой родиной (Швабия).

Выявление и анализ ключевых звеньев немецкого литературного процесса предполагает также учет соответствующих типологических параллелей, пересечений и заимствований в общеевропейском контексте, а сам труд расширяет базу сравнительно-исторических и типологических исследований общеевропейского литературного пространства.

Помня о том, что литература Германии является неотъемлемой частью мирового литературного процесса, авторы труда сочли необходимым расширить базу исследования, включив в нее традиционные для немецкой литературы связи с Востоком. Тем самым в труде предпринята попытка преодоления западноцентризма в изучении зарубежной культуры.

Одно из отличий предлагаемого труда от уже существующих отечественных историй немецкой литературы XX века состоит в том, что описываемые явления литературной жизни в полном объеме рассматриваются в контексте изменения художественных парадигм (реализм, модернизм, авангардизм и постмодернизм).

Важное условие для создания целостной картины литературного процесса – не только четкое разграничение парадигматических и субпарадигматических явлений, но и фиксация переходности на всех уровнях литературных отношений. Именно переходность является предпосылкой для сохранения единства литературного пространства, которое обеспечивается связями между различными периодами, школами, авторами и получает свое завершение в сущностных категориальных признаках, присущих как основной массе литературной продукции, так и в особенности произведениям, формирующим в перспективе новый канон. Методологическое решение этой задачи, основанное на сочетании системно-комплексного и исторического подходов, позволяет осуществить анализ конкретного литературного явления в широкой диахронической перспективе.

При разработке критериев и принципов историко-литературной периодизации и систематизации учитывались традиции сочетания обзорно-хронологического и проблемно-тематического подходов. Важным представляется понимание того, что хронологические границы исторической периодизации не всегда отражают границы реальных культурных сдвигов, влекущих за собой смену художественных парадигм. Исходя из этого, авторы труда сочли правомерным начать освещение литературного процесса в Германии XX века с рубежа («Jahrhundertwende») XIX–XX веков. Кульминационным моментом так называемой эпохи грюндерства (Gründerzeit, 1848–1873) стало объединение северных и южных германских земель под эгидой Пруссии в Германскую империю (Германский рейх, Das Deutsche Kaiserreich, 1871–1918). Существенно, что его образование усилило центробежные тенденции в немецкоязычном культурном пространстве, что не могло не способствовать разграничению национальных вариантов:

¹ В этом отношении сюда зачисляются все крупные писатели Австрии и немецкоязычной Швейцарии, что, однако не дает основания исследовать их творчество в рамках данного труда.

германской, австрийской и швейцарской литератур. В художественно-эстетическом плане именно с этим периодом связана первая фаза модернизма как основного вектора развития в литературе Германии XX века. Новая литература натурализма, заявившая о себе в начале 1880-х годов, то есть, несколько раньше чем в Австрии и Швейцарии, была направлена против лишней актуальности и художественной новизны массовой литературы тех лет. С точки зрения отнесения того или иного сегмента литературного пространства к медийному (признанному) либо альтернативному (маргинальному) полюсу, эта литература по своим программным установкам может быть отнесена к авангардистскому типу искусства.

Именно на рубеже XIX–XX веков зарождаются главные тенденции, определившие специфику литературного развития в последующие десятилетия. Одним из определяющих факторов, обусловивших его историческую конфигурацию, стали дихотомические отношения литературы конвенционального, традиционного типа и литературы модернистской. С противоборством двух парадигм художественного сознания и связан главным образом вектор литературного развития в Германии XX века.

Удачная попытка построить рассмотрение литературного процесса на рубеже XIX–XX веков именно как изменение самого «строения литературы» (с. 323) была предпринята Н.С. Павловой и Л.М. Юрьевой, авторами главы «Немецкая литература на рубеже XIX и XX веков» в 8 томе «Истории всемирной литературы» (М.: Наука, 1994). К сожалению, рамки труда не позволили в полном объеме развить эту концепцию. Кроме того, анализ натуралистического движения в силу объективных причин остался вне поля зрения исследователей: данный период в развитии немецкой литературы был рассмотрен в 7 томе «Истории всемирной литературы» в качестве неотъемлемой части литературного процесса XIX века.

Проследивая историю модернизма с его радикализацией в авангардных проявлениях (экспрессионизм, дадаизм, сюрреализм и другие) и с более сдержанной фиксацией в стилистике традиционного, основанного на усвоении прежних художественно-эстетических ценностей искусства XX века (реализм, неоклассицизм и другие), можно понять объективное соотношение между элементами складывавшейся в Германии многостилевой литературно-художественной системы.

Необходимым условием качественного (идейно-художественного и образно-стилистического) анализа литературного процесса остается учет сложного и неоднозначного воздействия на литературную жизнь не только культурно-эстетических, но и духовно-нравственных и социально-политических факторов. Особенности художественного воплощения нового плюралистического мировидения (позитивизм, эмпириокритицизм, марксизм, ницшеанство, фрейдизм, структурализм), отмеченного противоречиями научно-идеологического свойства и определившего жизнь индивидуума и общества в XX веке, исследуются в труде в совокупности присущих литературным явлениям признаков (философско-мировоззренческая основа, эстетические принципы, идеологические установки). Учет широкого социально-культурного контекста, в котором создаются литературные произведения, предполагает включение в сферу анализа условий функционирования литературы, в частности таких элементов литературной жизни, как издательское дело, формы литературной и литературно-критической коммуникации, формы распространения и развития литературного сознания в национальном культурном пространстве (роль государства, образовательных и прочих общественных структур и СМИ).

Одним из принципов периодизации и систематизации литературного процесса служит в настоящем труде вычленение сложившихся в литературе Германии течений, направлений и школ. В ходе анализа присущих им художественно-эстетических особенностей выявляются основные трансформационные сдвиги внутри видовых, жанровых и стилевых образований. При этом решается одна из важнейших задач – выявление новых тенденций в литературе исследуемого культурного пространства.

В труде прослеживается также динамика так называемых «сквозных» тем, идей и мотивов: искусство и жизнь, личность и общество, соотношение массовой и элитарной культуры, герметизма и социальной ангажированности, свободного (либерального) и тоталитарного типов ментальности; проблема власти и насилия, поиски экзистенциальных смыслов, нравственно-этическое начало в духовной жизни и виталистический эгоцентризм, научное и религиозное мировидение, осмысление истории и современность, античность и мифотворчество как неотъемлемая принадлежность национального художественного сознания, поколенческая проблематика, женская эмансипация, тоталитаризм и анархизм, патриотизм и космополитизм, пангерманизм и регионализм, антисемитизм и еврейская литература, немецкая вина и ее искупление, коммуникативный кризис, вызовы научно-технического прогресса и глобализации. Именно они составляют идейно-содержательную специфику немецкой литературы XX века, во многом соотносимую с особенностями проблемно-тематического свойства других европейских литератур.

Системно-комплексный подход к материалу исследования, с одной стороны, и историко-теоретическое обоснование его отбора, с другой, позволили авторам труда избежать тенденциозности в отражении специфики литературного процесса в исследуемый период. Новый труд в отличие от прежних отечественных исследований не ставит во главу угла рассмотрение в качестве единственно имеющей право на существование и освещение одной тенденции (реализм, социалистический реализм и прочее).

По этой причине в предыдущих коллективных трудах были проигнорированы, или искажены – в лучшем случае упомянуты как не заслуживающие внимания – многие существенные литературные явления. Новый подход к отбору и освещению материала проявил себя и в стремлении избегать субъективизма и ангажированности в аксиологических оценках, сознательного либо случайного завышения роли и места тех или иных литературных явлений, будь то по идеологическим или иным соображениям. Это относится равным образом к исследованию литературных направлений и художественных систем, в частности, феномена «модернизм» в целом и его отдельных проявлений, в первую очередь, таких авангардистских течений, как дадаизм, экспрессионизм, «новая деловитость», а также литературного направления «натурализм», так и к анализу творчества отдельных авторов. В связи с некоторым пересмотром сложившегося в советское время литературного канона, когда на передний план выдвигались одни, более «удобные» в идеологическом плане авторы (Э.М. Ремарк, А. Зегерс, В. Бредель и другие) в противовес другим писателям, менее «лояльным» для господствующей системы взглядов, а следовательно и менее известным (С. Георге, Г. Бенн, Э. Юнгер и другие), был уточнен и список авторов, которым посвящены в труде отдельные главы.

Учитывая то обстоятельство, что новые тенденции возникают в противостоянии как «массовой» (тривиальной) литературе, так и «конвенциональной» (академически-классической), в новом труде изучаются все элементы литературного поля от авангарда до массовой литературы, включая произведения полузабытых наследников классической традиции (П. Гейзе, Р. Борхардт, О. Лёрке, Р.А. Шредер, П. Эрнст и другие).

В труде переосмыслены важные, но мало изученные сегменты литературного пространства первой трети XX века, такие как литературный анархизм, областническая литература и близкая к ней литература и эссеистика «консервативной революции», сюрреализм и неоклассицизм, явления *fin de siècle* (декаданс, символизм, импрессионизм, югендстиль, неоромантизм), проблемы соотношения массовой (читаемой) и элитарной (экспериментальной) литературы.

Не следует забывать, что и исследования немецких авторов не были свободны от идеологических пристрастий. В начале XX века существенную роль сыграли имперские, часто шовинистические взгляды на роль и место немецкой нации в европейском культурном пространстве, достигшие своей кульминации во времена нацистской диктатуры. В послевоенные десятилетия литературу писали и оценивали согласно стереотипам, сложившимся на Западе и на Востоке страны в угоду политическому заказу, продиктованному идеологией холодной войны и железного занавеса. Остатки прежнего недоверия и отчужденности до сих пор, в условиях воссоединенной Германии, дают о себе знать в трактовке истории литературы, особенно бывшей ГДР. Особое значение в этой связи приобретает четко продуманный план и выработка критериев, по которым в новом труде будет представлена литература двух частей разделенной нации. Не секрет, что в настоящее время, как в ФРГ, так и в России, культура эпохи социализма подвергается существенному идеологическому пересмотру, который часто приобретает черты неоправданно негативного отторжения-отталкивания, функционального упрощения, сведения ее к чистой негативности («тоталитаризму» – Й.-Р. Бехер). Есть все основания рассматривать эту литературу как варианты одной национальной литературы, на время оказавшиеся в значительной мере изолированными друг от друга. Нельзя обойти вниманием и другую тенденцию, наметившуюся в зарубежном литературоведении, которая находит своих приверженцев в лице молодых исследователей в России. Речь идет о попытке частичного пересмотра литературного процесса в Германии периода гитлеровского режима, связанной с желанием реабилитировать некоторых авторов (Э. Юнгер), пропагандировавших идеологию третьего рейха.

Авторы нового труда, не отрицая процессов литературной канонизации, попытались воссоздать реальную картину историко-литературного процесса, не умаляя масштаба писателя для своего времени, по тем или иным причинам потерявшего сегодня привлекательность как для читателей, так и для исследователей (Й.-Р. Бехер, Г. Бёлль, Э. Штриматтер и другие).

Другая важная задача, потребовавшая проведения большой исследовательской работы – освещение литературного процесса 1970–80-х годов. Как известно, после окончания работы над завершающими пятитомное издание «Истории немецкой литературы» томами по истории литератур ГДР и ФРГ в советском, а потом в силу известных причин и в российском литературоведении образовалась некая лакуна, пробел в освещении литературного процесса последней трети XX века. Лишь в конце 1990-х – начале 2000-х годов появился ряд монографий, посвященных отдельным проблемам и писателям этого периода. Среди них – «Проза Кристофа Хайна в контексте немецкой литературы последней четверти XX века» (2002) И.В. Гладкова; «Гиноцентрические романы Германии и Австрии 70–80-х годов XX века» (2006); «Мифорецепция в романе К. Вольф "Кассандра"» (2007) А.Э. Воротниковой; «"Диалог невозможен..."». Коммуникативная проблематика в современной литературе Германии» (2008) Е.В. Соколовой и другие.

Именно на этот период приходится очередная смена художественных парадигм в немецкой литературе – модернистский вектор развития претерпевает существенные изменения, уступая значительную часть литературного пространства постмодернистским тенденциям (П. Зюскинд, Х. Мюллер,

Д. Грюнбайн и другие). Ни в России, ни в Германии еще не существует обобщающих системно-комплексных и историко-литературных исследований, посвященных осмыслению феномена «пост-модернизм». Освещение отдельных аспектов немецкоязычной постмодернистской литературы началось в российской германистике лишь в 2000-е годы. (И.С. Роганова «Немецкая литература конца XX века и актуализация постмодернистской парадигмы», 2007; Г.В. Кучумова «Немецкоязычный роман 1980–2000 годы: курс на демифологизацию», 2009).

Важной частью литературной жизни последней трети XX века было становление альтернативной («контркультурной») поп-литературы, что также нашло отражение в содержании нового коллективного труда.

Ни в отечественных, ни в зарубежных историко-литературных исследованиях до сих пор не освещалась в полном объеме тема диссидентской литературы в ГДР. Речь идет как о творчестве писателей ГДР, в разные, прежде всего в 1970–80-е годы, покинувшие страну (Г. Кунерт, С. Кирш, В. Бирман и другие), а также о так называемых «скрытых», «внутренних» эмигрантах, которые в силу сложившейся в ГДР официальной культурной политики и пропаганды не смогли выйти на литературную сцену, либо о диссидентах открытых, подвергавшихся репрессиям со стороны государства. И те и другие стали широко известны лишь после 1990 года (Шахт, Фукс, Йиргль, Р. Шерникау и другие). Изучение их творчества и включение его в общий контекст литературного развития стало одной из задач данного труда.

Наконец, было необходимо осмыслить процессы, наметившиеся в литературе Германии после ее воссоединения в 1989 году. До сих пор нет специальных исследований, которые охватывали бы весь комплекс проблем, связанных с особенностями бытования литературы в этот период. Попытки проследить закономерности восстановления единого литературного пространства на материале новейшей прозы и поэзии содержатся в монографиях Д.А. Чугунова «Немецкая литература рубежа XX–XXI веков» (2002), «Немецкая литература 1990-х годов: Ситуация "поворота"» (2006) и Т.В. Кудрявцевой «Новейшая немецкая поэзия (1990–2000-е годы): основные тенденции и художественные ориентиры» (2008). К сожалению, до сих пор отсутствуют обобщающие труды по современной немецкой драматургии. Совершенно не исследована и такая часть современного драматургического искусства как радиопьеса. Недостаточно хорошо изучены новейшие тенденции немецкой литературы (современная массовая литература Германии в жанровых разновидностях фантастического, детективного, женского романа и других); функционирование литературы в новой электронной среде, литература культурных и социальных меньшинств.

Новое явление в немецкой литературе XX века, особенно в послевоенный период, а точнее в 1970–2000-е годы, которое должно найти отражение в новом труде, – это мультикультурализм, выражающийся во все более усиливающемся притоке писателей, выходцев из других стран, живущих в Германии и пишущих на немецком языке (Саид, Ф. Займоглу, А. Ницберг и другие). Важный сегмент литературного пространства современной Германии, подлежащий изучению и освещению в данном труде – региональная, в том числе создаваемая на диалектах, литература немецких земель.

В соответствии с изложенными методологическими принципами, целями и задачами разработана следующая структура труда.

1. Предисловие, в котором раскрывается концепция труда, обосновываются его цели и задачи, а также методы и теоретические подходы к освоению материала, показан принцип отбора и структурирования материала.

2. Вводная глава, где в виде концептуально-структурированной хронологической периодизации представлена картина развертывания литературного процесса в Германии XX века.

3. Два тома, построенные по историко-хронологическому принципу.

Том первый: «История литературы Германии от рубежа XIX–XX веков до 1945 года (1880–1945)».

Том второй: «История литературы Германии после второй мировой войны (1945–2000)»².

Первый том предполагается разбить на две книги по хронологическому принципу: «Литература Германии между 1880 и 1918 годами» и «Литература Германии между 1918 и 1945 годами».

В первой книге «Литература Германского рейха (между 1880 и 1918 годами)» предполагается выделить две части:

Часть I: «Литература Германии в 1880–1890 годы» (45 авторских листов).

Часть II: «Литература Германии в 1900–1910 годы» (45 авторских листов).

Во второй книге предполагается выделить следующие части:

Часть I. «Литература в Веймарской республике (1918–1933)» (45 авторских листов).

Часть II. «Литература в годы нацистской диктатуры (1933–1945)» (45 авторских листов).

² В структуре второго тома предполагается выделить три книги. Книга I. «Послевоенная литература Германии (1945–1949)» (20 авторских листов). Книга II (в трех частях) «Литература под "расколотым небом" (1949–1989)» (150 авторских листов). Книга III. Литературный процесс в воссоединенной Германии (1990-е–2000-е годы) (30 авторских листов).

При таком принципе периодизации литературного процесса хронологические границы в основном совпадают с границами культурно-историческими и художественно-эстетическими.

Первый период (1880–1918) знаменует собой сложные процессы становления классического модернизма, с одной стороны, в его авангардистском противоборстве (экспрессионизм, дадаизм) с унаследованным искусством прошлых эпох, с другой – в попытках преодолеть миметическую ограниченность реализма и натурализма на путях активного усвоения и обновления традиции (импрессионизм, символизм, неоромантизм, югендстиль, неоклассицизм). Именно в этот период наиболее ярко проявили себя изменения в научно-философском и социально-политическом осмыслении реальной и духовной жизни общества и индивида. Принципиально разные подходы к действительности и условия существования в ней человека (целостность – распад; телеологизм – иррационализм; антропоцентризм – деперсонализм и так далее) диктуют отличия в художественном освоении этой действительности старым и новым искусством. Роль персонажа, традиционно трактуемого как совокупность характерологических либо типологических признаков, редуцируется и низводится до уровня обезличенного носителя информации о некоем состоянии общественного сознания или функционального «социального манекена», демонстрирующего обобщенные социальные реакции и практики. Большую роль в «деконструкции» традиционного персонажа сыграл психоанализ, представивший некогда целостную и органичную личность как многослойную, связав в анализе «психозкономики» современного невротического индивида элементы просветительского рационализма с набросками критической теории массового «общества потребления», получившей развитие, в свою очередь, после 1945 года в трудах представителей «Франкфуртской школы» и близких к ней мыслителей.

Определяющим принципом освоения действительности, понимаемой как создание «новой реальности» средствами искусства, становится очуждение, понимаемое не просто как дистанцирование от чего-то привычного, но как критическое отношение к традиционной (антропоцентрической, стремящейся к гармонии) картине мира. В результате сопоставления намеренно искаженного и реального образов действительности возникает ее новый – очужденный – образ, проявляющий себя в дихотомической перспективе неприятия данного и поисков несуществующего. Последнее, в свою очередь выразилось, с одной стороны, в эскапистской устремленности уйти в башню из слоновой кости (С. Георге) – ср.: «в иную синеву» (Р. Бринкман), – с другой – в нигилистских попытках смести с лица земли старое (активизм).

Второй этап (1918–1945) в литературе Германии XX века – это, с одной стороны – закрепление новой художественной парадигмы в «новой деловитости» и творчестве таких крупных писателей, как А. Дёблин, Г. Бенн, Б. Брехт, Х.Х. Янн, с другой – ее проверка на прочность во времена гонений на свободное искусство со стороны национал-социалистов, когда многие крупнейшие немецкие писатели были вынуждены покинуть страну. Попытки реставрации традиционного искусства, порой в наиболее реакционной и закостенелой форме (литература «крови и почвы»), причудливо сочетавшиеся с визионерским утопизмом и конструктивистским монументализмом, в которые облекалась официальная пропаганда, сопровождалась созданием нового канона тоталитарного искусства. Именно в условиях жесточайшего столкновения и противоборства двух непримиримых мировоззренческих устремлений были созданы лучшие образцы гуманистического искусства XX века, которое не укладывается в границы того или иного художественного течения, того или иного идеологического конструкта (Х. Фаллада, братья Манны, Г. Гессе, А. Зегерс и другие), и благодаря которым литература Германии снова обретает широкое международное звучание.

Внутри частей выделяются главы, посвященные исследованию литературных направлений и школ. При этом учитывалась как культурно-историческая обусловленность их возникновения и бытования, так и проблемно-тематическая и художественно-эстетическая специфика явлений, входящих в литературное поле. Главное внимание уделялось выявлению динамики тех или иных тенденций, связей с предшествующей традицией и воздействия тех или иных фактов литературы на последующий ход литературного процесса.

Главы, посвященные наиболее репрезентативным писателям, творчество которых определяет особенности литературного процесса XX века, расположены в разделах, где рассматриваются периоды литературного развития, дающие наиболее зримое впечатление об основных вехах творческого пути того или иного писателя. Представляется существенным вписать творчество писателя в историко-культурный и литературно-художественный контекст (принадлежность к школам, течениям и прочее), отразить особенности разных периодов творчества, включая динамику формирования мировоззренческих и эстетических воззрений писателя. При этом главное внимание сосредоточено на анализе особенностей его поэтики, и в связи с этим на оценке роли и места писателя в литературном процессе своего времени, с учетом генезиса и воздействия его творчества на последующий литературный процесс, в том числе и в других странах. Главы, посвященные писателям, а также художественно-эстетическим и проблемно-тематическим явлениям, значение которых не укладывается в рамки того или иного литературно-исторического периода либо той или иной художественной системы, выносятся в отдельный раздел каждой части.

В конце каждой части, которые планируется издать отдельными книгами, предполагается поместить именную и тематический указатели.

Подчиненное единой концепции – воссозданию духовной жизни Германии XX века в истории ее литературы – академическое издание призвано дать целостное представление о сложном и многогранном характере литературного процесса в Германии в один из ее самых драматичных и исполненных трагизма периодов. Неся груз вины за ошибки и заблуждения, приведшие к развязыванию двух мировых войн, к реализации в форме гитлеровского режима идей Третьего рейха, пережив крах имперских амбиций, а в течение сорока послевоенных лет живя под расколотым небом в границах ГДР и ФРГ, двух идеологически, а во многом и культурно, разных государств, немецкая нация прошла сложный путь от объединения в единое государство в конце XIX века до последовавшего в 1989 году и продолжающегося до сих пор трудного процесса воссоединения.

Т.Г. Румянцева, А.А. Грицанов (Минск, БГУ)

ФИЛОСОФИЯ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПОСРЕДСТВОМ КОНЦЕПТОВ

Актуальность вопросов, заявленных в программе данного международного семинара¹, имеет, на наш взгляд, скорее философский, нежели чисто литературоведческий или лингвистический характер, хотя его и организовала филологическая кафедра. Этот тезис можно аргументировать, опираясь, по крайней мере, на два положения, касающиеся самого процесса развития философского знания в XX столетии.

Во-первых, это связано с так называемым «лингвистическим поворотом», когда философия вплотную приступила к исследованию отношения между языком и миром, к экспериментам вокруг языка, понимая его как самодостаточное, самоявляющееся, многослойное образование; когда конституирование мира стало приписываться уже не трансцендентальной субъективности, а грамматическим структурам языка. Произошел переход от философии сознания к философии языка, перевод философских проблем в сферу языка и решение их на основе анализа языковых средств и выражений. Наступил период значимости языковой доминанты культуры.

Во-вторых, это появление во второй половине XX века философии постмодернизма. Согласно одной из основных презумпций которой, окружающий человека мир в процессе его постижения, заметьте, не познания, пафосно организуется как Текст. Последний перестает, таким образом, трактоваться только как литературное произведение, и потому проблема текста, традиционно существующая на стыке литературоведения, лингвистики (и герменевтики), начинает активно вовлекаться в круг собственно философских изысканий, хотя, разумеется, с учетом технологий и стратегий, наработанных в филологии и герменевтике, без которых обращаться сегодня с миром уже нельзя.

Отсюда следует, что вопреки давно сложившейся иерархии в границах неестественно-научного знания (философия – гуманитарные дисциплины) в свете двух вышеупомянутых моментов литературоведение начинает занимать, или уже заняло, равноправное по отношению к другим гуманитарным дисциплинам, в том числе и по отношению к философии, место.

Можно зафиксировать еще один разворот проблемы. Становление науки, как особой формы постижения действительности (наряду с религией и эзотерикой) начинается тогда, когда исследователь оперирует с так называемыми абстрактными объектами, ориентированными уже не на эмпирическую повседневность; когда начинается работа с такими идеальными объектами (это хорошо показано В.С. Степиным), которым нет аналогов в наличной действительности. В этой связи следует обратить внимание на то, что и философия как таковая, строго говоря, начинается только там и тогда, где и когда сами понятия становятся предметом исследования. Что хорошего действительно внесли постмодернисты в философскую и литературоведческую традицию, так это то, что они всерьез занялись в философии словотворчеством (хотя здесь можно упомянуть еще Хайдеггера и даже Ницше). Именно благодаря этой процедуре они превратили философию в конструирование возможных миров. Но то, что отличает философию в постмодернистском развороте от экспериментов, которыми занимались, например, Хлебников и другие, это то, что философия организует это словотворчество в формате концептов.

Осмысление концепта как такового происходит в нашей философской традиции сравнительно недавно. Нельзя не упомянуть здесь имена В.Л. Абушенко и авторов данного сообщения. В ряде их статей, опубликованных в недавно вышедшей книге «Новейший философский словарь. Постмодернизм» [1],

¹ Данное сообщение было прочитано 11 апреля 2008 года на международном научном семинаре «Филологическая наука: история и современность, школы и методы, проблемы и перспективы» (УО «Полоцкий государственный университет», Полоцк) – *прим. ред.*